

ПРОШЛОЕ КАК ПРОЛОГ

Древний Рим дает урок важности
устойчивого развития

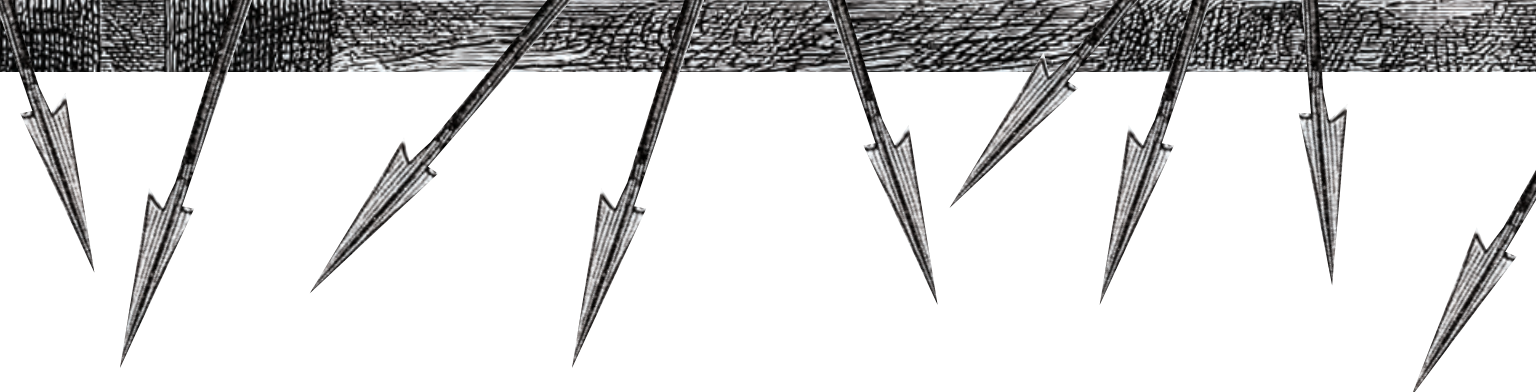
Энтони Аннетт и Джошуа Липски

Устойчивое развитие воплощает собой идею о том, что материальный прогресс всегда должен идти рука об руку с социальной сплоченностью и заботой об окружающей среде. Неспособность видеть связь экономического роста с этими двумя другими основополагающими компонентами может привести к саморазрушению. Древний Рим предлагает нам пример того, как трагедия может разыграться и как ее избежать.

Римская республика просуществовала 500 лет, поскольку ее институты были достаточно гибкими для того, чтобы приспосабливаться к двум серьезным вызовам, — внутреннему конфликту между аристократией и массами и внешнему конфликту с противоборствующими государствами и интеграции покоренных народов. Несмотря на постоянную напряженность римляне связывали общие ценности — чувство чести, основанное на службе обществу, и их приверженность концепции общего блага.

На протяжении жизни многих поколений эта структура держалась, пока не развалилась. Сначала изменения были едва заметны. Территориальная экспансия (в начале II века до н.э. Римская республика простиралась от Галлии до Греции) вызвала приток больших средств в виде дани, налогов из новых провинций и поступлений от разработки рудников. Новый класс сверхбогатых римлян создал финансовые инструменты по «упаковке» долговых обязательств, их перепродажи и инвестициям прибыли в инфраструктурные проекты. Узнаете? Во многих отношениях это была древняя форма глобализации, как торговой, так и финансовой. Этот бум привел к тому, что к I веку до н.э. население Рима достигло почти миллиона человек, что сделало его первым городом на земле, который достиг этой отметки.

В ТЕЧЕНИЕ РОКОВОГО ПОСЛЕДНЕГО СТОЛЕТИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЧЕРЕДА ЛИДЕРОВ НЕ ОСТАВИЛА КАМНЯ НА КАМНЕ ОТ ТЕХ ЦЕННОСТЕЙ, КОТОРЫЕ РАНЕЕ СЧИТАЛИСЬ НЕРУШИМЫМИ.

Но не все шло гладко. Новые богатства доставались немногим. Массовый приток рабов радикально изменил рынок труда, а оставшиеся без работы солдаты и граждане становились все более и более недовольными. В то же самое время, как заметил Эдвард Уоттс в своей новой книге «*Умирающая Республика*», накопление богатства стало вытеснять прежние мерилы успешной жизни — личную добродетель и заслуги перед государством. И эти элиты тратили свое новообретенное богатство не только на виллы и предметы роскоши. В отличие от своих предков, они занимались крупномасштабным взяточничеством и коррупционной деятельностью, чтобы получать политические почести и должности, а также оставаться безнаказанными за свои преступления.

Пожалуй, никто не олицетворяет дух той эпохи лучше, чем Марк Лициний Красс. Его состояние, порожденное в основном коррупционными махинациями с недвижимостью, было настолько огромным, что достигло размеров, сопоставимых с казной всей империи. Став «спонсором» для сотен политиков, он получил беспрецедентное влияние благодаря своему богатству.

Это было незадолго до того момента, когда разверзлись линии разлома. В предыдущие века элиты реагировали на недовольство населения, делясь с ним властью и меняя расстановку политических сил. Но из-за превалявания личных интересов в условиях коррупции прежний консенсус развалился.

Та же самая картина повторялась снова и снова в течение всего последнего века Римской республики — народный гнев наткнулся на неуступчивость патрициев, приводя к перенапряжению обеих сторон и часто выливаясь в насилие.

Этот замкнутый круг начался с братьев Гракхи, Тиберия и Гая. Тиберий настаивал на перераспределении земли в пользу бедных. Но этот план реформ вызвал недовольство консервативной оппозиции, и его забили до смерти. Младший брат, Гай, принял эстафету, концентрируя свое внимание на социальной защите в виде субсидий на зерно и борьбе с коррупцией посредством судебной реформы. Он тоже был убит.

После периода хаоса появился новый поборник бедноты — Гай Марий, поднявшийся на волне народного гнева

в отношении коррумпированности сенаторов. Но в итоге он объединился с теми, кто желал использовать насилие в политических целях, а это вызвало ответную негативную реакцию патрициев и диктатуры Суллы, который совершил немыслимое — ввел армию на территорию города Рима. Его правление ознаменовалось массовыми изгнаниями, конфискацией имущества и нейтрализацией власти плебса.

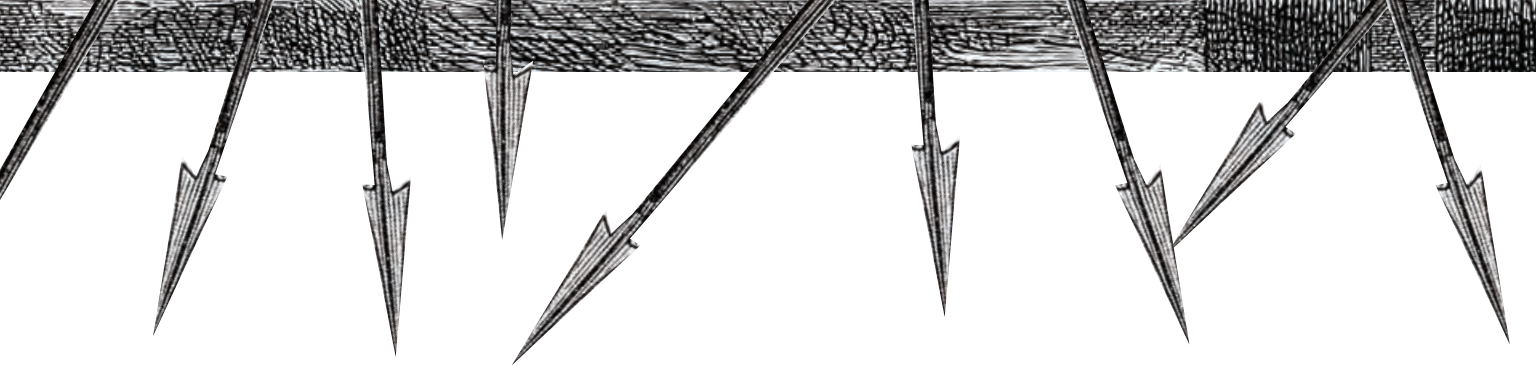
В последующие годы бессовестные патриции, такие как Каталина и Клодий, стремились продвигать свою карьеру, используя разочарование населения, — в том числе прибегая к насилию и запугиванию.

Все это проложило путь Юлию Цезарю, который использовал тактику сильной руки для проведения популистских реформ. Но после победы в гражданской войне Цезарь тоже принял титул диктатора и становился все более и более авторитарным. Его убийство вызвало новый виток гражданского кровопролития, фактически уничтожив Римскую республику.

В течение рокового последнего столетия существования Римской республики череда лидеров не оставила камня на камне от тех ценностей, которые ранее считались нерушимыми. Политическое насилие стало обычным делом. Государственные институты были вооружены для преследования оппонентов. Толпа становилась все более разъяренной. В свою очередь, сторонники сильной руки предлагали навести порядок. И все из-за гноящихся ран неравенства и коррупции.

После распада республики Рим пережил удивительное возрождение, хотя мир был достигнут отчасти за счет подавления демократических институтов. Эдуард Гиббон, великий летописец падения Рима, считал II век н.э. наивысшей точкой развития империи и периодом истории, когда «состояние человечества было наиболее счастливым и процветающим».

Чего Гиббон не знал, так это того, что благоприятное состояние во многом было связано с благоприятным климатом. Как обосновал Кайл Харпер в замечательной новой книге «*Судьба Рима: климат, болезни и конец империи*», период между примерно 200 г. до н.э. и 150 г. н.э. теперь известен как «римский климатический оптимум» — теплый, влажный

и предсказуемый климат, уникально благоприятный для основных сельскохозяйственных культур империи.

Но к третьему столетию климат стал более прохладным, более сухим и менее предсказуемым, с более частыми засухами и неурожаями. К середине V века наступил позднеантичный малый ледниковый период.

Изменение климата снизило устойчивость империи к различным потрясениям, включая пандемии. Вспышка оспы случилась во II веке, а в III веке — смертоносные эпидемии, которые могли быть вызваны вирусом Эбола. В середине VI века от Юстиниановой чумы, ставшей первым известным случаем эпидемии бубонной чумы, погибла, по всей видимости, половина населения империи.

Недавно полученные данные указывают на роль, которую сыграло изменение климата. В течение десяти лет до вспышки чумы в Европе наблюдалась самая низкая за два тысячелетия температура атмосферы, что было вызвано чередой крупных извержений вулканов. Вероятно, они же вынудили пещанок и сурков покинуть свою обычную среду обитания в Центральной Азии. А являвшиеся переносчиками смертельных бактерий блохи, которых они на себе принесли, перекинулись на черных крыс, популяция которых бурно размножилась вдоль обширной сети торговых путей Рима.

Безусловно, у падения Рима было много причин. В истории человечества это событие остается уникальным — вместе сошло слишком большое число определяющих факторов. Но, похоже, становится все более очевидным, что именно мир природы, воздействующий на мир людей, был самым главным источником неприятностей.

Ослабленная этими враждебными силами природы, империя начала распадаться в III веке. Этот период отличала постоянная политическая нестабильность, давление на границы и бюджетный кризис, который усугубляла проблема качества монет. После настоящего экономического возрождения в IV веке окружающая среда вмешалась вновь — сильная засуха в Евразии спровоцировала миграцию гуннов, которых Харпер называет «климатическими беженцами на лошадях». Это положило начало «эффекту домино» в виде массовой миграции через римские границы, что в конечном итоге привело к краху Западной империи в V веке. Затем, в VI веке, последовала ужасная триада — неурожай, вызванный изменением климата, катастрофическая чума и разрушительная война. Именно в этот период население Рима сократилось до 20 тысяч человек, и римский форум превратился в *campo vacante* — пастбище для коров.

Римская республика и Римская империя пали, потому что они обе потерпели неудачу в области устойчивого развития. Для наших времен в этой истории есть предостере-

гающий урок о том, что привело к этому крушению: нарушение проверенных временем социальных норм, укоренившаяся политическая поляризация, обусловленная экономическим неравенством, отречение элит от идеи всеобщего блага и разрушение окружающей среды, ведущее к болезням и бедствиям.

Нам следует на зубок выучить этот урок, особенно когда мы видим, как зловеще и обескураживающе история может повторяться. Это указывает на насущную необходимость достижения Целей в области устойчивого развития, являющихся глобальным призывом положить конец нищете, защитить планету, обеспечить мир и всеобщее процветание. Опыт Рима дает нам возможность увидеть свое будущее, которое может наступить, если мы не предпримем никаких действий.

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА И РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ПАЛИ, ПОТОМУ ЧТО ОНИ ОБЕ ПОТЕРПЕЛИ НЕУДАЧУ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.

Конечно, между нашей экономикой и экономикой Древнего Рима есть некоторые важные различия. Наша значительно богаче, здоровее, более инклюзивна и более устойчива. Римляне не имели возможности устранить все виды материальных лишений, хотя они могли и должны были лучше справляться с неравенством, возникающим в результате их собственного опыта глобализации. В наших силах сделать и то, и другое.

У нас также есть возможность решить проблему изменения климата, которая является самой серьезной проблемой нашего поколения. Римляне очень зависели от капризов природы. Их деятельность не влияла на изменения климата, поэтому они мало что могли сделать, чтобы замедлить или остановить его ход. Но так как сегодня человеческая деятельность вызывает изменение климата, это можно исправить, изменив наше поведение и создав за следующие три десятилетия энергетическую систему с нулевыми выбросами углерода.

Суть в том, что устойчивое развитие имеет непреходящее значение, говорим ли мы о 130 году до н.э., 530 году или 2030 году. **ФФ**

АНТОНИ АННЕТТ — помощник директора Департамента коммуникаций МВФ, **ДЖОШУА ЛИПСКИ** — старший сотрудник по коммуникациям Департамента коммуникаций МВФ.